

*Седи
в даме*

ВИКТОР РЯБИНИН

Виктор Рябинин

Леди в бане

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рябинин В.

Леди в бане / В. Рябинин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Юмористические рассказы на эротические темы. Юному читателю не обязательны, а любителям словесности со стажем послужат напоминанием о днях бурной молодости. Возможно, разбросанные во времени и пространстве материалы могут и не достичь желаемого результата, но несомненно послужат основой хорошего и лёгкого настроения для всякого вдумчивого и не очень читателя.

© Рябинин В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЛЕДИ В БАНЕ	6
ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕУДАЧИ	10
ГРИБНОЙ СЕЗОН В МАЛИННИКЕ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Рябинин
ЛЕДИ В БАНЕ
Юмористические фантазии
на эротические темы

«Нечистых слов нет, есть только нечистые представления».
Сергей Есенин.

ЛЕДИ В БАНЕ

Который год отдаюсь я любимому делу хлебопашества на необъятных полях родного колхоза «Красный спец». Однако, бороню ли я яровые, или перепахиваю озимые, поднимаю ли зяби, или просеиваю пары, но всегда нахожу неурочное время для пополнения своего носимого багажа знаний через прессу или изустно. А иначе нам, механизаторам широкого профиля, просто нельзя, ибо так давно служим жизненным примером для остального местного жителя и малолеток, что даже выщвели на районных «Досках почёта» и засиделись до мозолей на сценах с краю президиумов. Поэтому и набираемся мы в любых полевых и погодных условиях новостями до краёв, невзирая на аппарат и систему, так что к вечерней дойке всегда готовы поучить уму-разуму любого, будь ты хоть здешний политик, хоть другой какой сват и кум.

Помню, как-то раз в посевную, сразу после начатой нами с партией перестройки недоделок, мы с другом Петькой, тоже механизатором широкой души, разложились около сеялки кой-чем закусить перед началом ударного труда и бдения на родимых просторах. Надо сказать, что всегда уважительно относимся к любому народному обычаю и не можем начать день без бодрого почина, а иногда и призывной песни. Вот тогда-то и сказал мне Петька с горечью в сердце, разглядывая газету под съестными припасами:

– И тут опередила нас с тобой гидра капитализма, дышло ей в рынок!

Читаю я бегло и в охотку, а потому тут же ухватился за печатный лист и, прищурившись для верности восприятия на один глаз, стал рассматривать указанный другом материал. И то, что я вычитал, навсегда запало мне в душу, прокатившись волной возмущения по устойчивости сознания, но с оттенком обиды на нашу нерасторопность.

А напечатано было там, что моральный устой за границей загнил окончательно, и тамошние леди и джентльмены, отбросивши нормы приличия, с целью помывки ходят в общие бани, не разбирая дней половой очерёдности и не таясь друг от друга. Нас так возмутила эта копеечная экономия ресурсов и времени, а ещё более – их наглое безразличие к природному разделению человечества на два лагеря, что мы уже в тот день полновесно трудиться не смогли, а развернулись в бурную дискуссию. Лишь к вечеру, наложив на всё резолюцию, правда, с посильной помощью бригадира, пришли к единому выводу, что совместное это мероприятие, хотя и рискованное для баб, но вполне подошло бы и для наших краёв. Тем более, что ты всякому друг, товарищ и брат, поэтому особо стесняться один другого не приходится. Это был бы для любого члена общества широкий шаг вперёд на правах человека, закрепляющий наши завоевания, как на пути неминуемых побед, так и по дорогам привычных потрясений.

Но как далеки оказались наши светлые мечты от грубой правды жизни родных подворий!

Оказалось, что не все обыватели способны так глубоко проникнуться нуждами народонаселения, как мы, механизаторы. Даже моя супруга и жена, Анна-Роза-Мария, прозванная в деревне так за мою слабую память на женские имена в первые годы нашей счастливой совместной жизни, и та месяц не пускала меня на порог жилища после того, как я в тот же вечер претворил в жизнь свой почин по совместному обмыванию с близлежащей соседкой в её же бане. А наше начинание было разогнано заборной доской и неприличным словом, едва успев зародиться. И я до сенокоса приволакивал правую нижнюю оконечность, хотя и левая действовала слабо, не говоря уже о муках при исполнении сидячих работ.

Так и остались бы эти неиспользованные знания в моей голове мёртвым грузом, да только грянуло время демократических реалий, и народ получил полную свободу в шествиях и волеизлияниях в толпе. Это меня сильно обрадовало, но ещё больше весть, которую привёз Петька из райцентра.

По его словам выходило, что в связи с бережливым отношением к природным богатствам и падением кой-какого производства, в нашем городишке баня стала работать раз в неделю по пятницам, и, кто успеваеет, моется так без внимания на свой возраст и пол.

Я тут же смекнул, что цивилизация докатилась и до нас, а потому в ближайшую же пятницу, пока слухи не потревожили устои моей Анны-Марии, наладился в райцентр по своим техническим делам, хоть и налегке, но с поллитровкой для храбрости.

Помывочное хозяйство я нашёл сразу, но париться не поспешил, а засел в кустах при дороге с умыслом самоличной проверки Петькиного донесения.

Так как время было обеденное, то примерно с час никакого продвижения на объект не наблюдалось. Затем стали появляться мужики, и лишь к вечеру, с неясной для меня пока целью, в баню стали проникать женщины. Не сказать, что их было густо, но и этих хватило бы надолго. Поэтому я, для большей самоуверенности и успокоения нервов, на скорую руку хватил из бутылки, вылез из кустов и смелой походкой, как будто тут полощусь с пелёнок, направился на этот пункт общего сбора.

Билет я купил, не глядя на кассиршу, так как совестился своего не банного вида, и поскорее протиснулся в раздевалку. Тут вдоль стен, как и положено, стояли шкафчики и скамейки, но народу, кроме двух замшелых долгожителей, не было. Старые пни вольготно располагались на низкой лавке, развесив, как на смотринах, обессиленные прежними трудовыми годами свои мудейные реликвии почти до пола, и, важно беседуя, отдыхали.

Оглядев такой неприкрытый натурализм срама, я сильно заперезживал за городских дам, если они и впрямь окажутся поблизости и смогут нечаянно увидеть этот древний износ шатунов. Однако бабами в предбаннике и не пахло. Поэтому я не стал разбираться с ветеранами домашних очагов, а смело разделся до трусов и стал ждать дальнейшего разворота событий, опустившись у шкафчика на лавку. И минут через десять, прополоскав горло своим питьевым запасом, я стал было развлекаться игрой воображения ума о совместной с бабьим полом парилке. Вот как-то раз в этот момент в раздевалку и вошла особа другой статьи устава, но моих лет, с высокой причёской на голове и полной пазухой всякого женского добра. Сердце у меня стукнуло где-то под подбородком, по спине побежали знакомые муравьи, а глаза от непривычной действительности сошлись на переносице.

Женщина же, уверенно и ни на кого не глядя, подошла к шкафчику напротив меня, поставила сумку на лавку и стала раздеваться. Стоя ко мне спиной, она стащила через голову своё лёгкое платье, а затем, выгнувшись и расстегнув на спине лифчик, скинула и его. Когда же она, сначала подняв руки и разбросав причёску по плечам, принялась стягивать с себя не по-деревенски мелкие трусы, показывая мне пышную и белую, обхватом в два передних крыла «Москвича» первой модели, свою кормовую часть, я вдруг отрезвел до звона в ушах.

А женщина, тем временем, развесив одежду, взяла сумку и нагнулась, чтобы поставить её в шкафчик. И в тот же момент её задний борт вырос прямо на глазах до нестерпимых для моего ока размеров и плавно округлился двумя путеводными прожекторами, а меж ног, дай тебе, Петька, бог здоровья, где они вверху сходятся, прорвалась на волю, сжатая бёдрами, а потому растянутая, прямо-таки маслосъёмная манжетка с мелкой стружкой волос по краям, и с едва выступающими двумя розовыми прокладками по центру. Видение этих с виду малоизношенных деталей и узлов женского организма длилось всего какое-то мгновение, но его в самый раз хватило на то, чтобы мой Григорий, головастый заместитель по бабьей части, враз осатанел и так дёрнулся вверх, что мои семейственные трусы должны были треснуть, не успея я перехватить неуёмного зама рукой и загнать его под лавку, сжав после этого ловкого манёвра свои крепкие ноги.

Едва я провёл эту операцию, как женщина повернулась и с банным пакетом в руке независимо проследовала в помывочное отделение. И я едва не поздоровался с ней, потому как узнал в этом голом чуде Анну Ивановну, культурного руководителя при районном клубе. Я

пару раз возил на спевки нашу самодеятельность, поэтому ещё тогда обратил на культпросвет своё неослабное внимание. Анна Ивановна мне и в платьях смотрелась, а тут ангелы сподобили увидеть её и вовсе без облицовки. Нет, чтобы там ни говорила моя жена, а всё-таки Петька – наипервейший друг, может даже брат после такого наглядного подарка.

Долго я сидел в тупом одиночестве, уговаривая Григория быть человеком и вылезти из-под лавки в потребном виде. Уже и ветераны жизни ушли домываться, и два новых девичьих и плоских недомерка, раздевшись, что, правда, их несколько не украсило, убежали полоскаться, а я всё сиднем сидел на лавке в угрюмом напряжении, словно кот перед закрытой банкой со сливками.

И лишь когда одним духом опростал все остатки в поллитровке, заместитель унялся и принял вполне сносный и сонливый вид.

В тот же миг я быстро скинул остатки одежды и сунулся в отделение для мытья, а там, не пяля глаза по сторонам, схватил ближайшую свободную шайку, налил воды и пристроился в укромном закутке, поставив, на всякий случай эту лохань прямо себе на колени. И лишь после этих мер техники безопасности позволил себе расслабиться и оглядеть окрестности.

Народу было не ахти, и все поодиночке заняты привычным банным делом.

Стал плескаться и я, но без мыла и мочалки, вроде как бы привыкая к жаркой обстановке в привычном кругу действующих лиц.

Почти против мен мылась здоровенная, пудов до восьми, бабища. Но тут ничего интересного не было, потому как обвислый животина надёжным капотом прикрывал передок этого телесного агрегата.

Зато поодаль, лицом ко мне и поставив одну ногу на лавку, шампунилась молодая деваха, при которой всё было такое упругое и ясно различимое, что я начал беспричинно волноваться. А уж когда она стала намыливать свою разомлевшую горлицу, да ещё теревить её пальчиками, вылизывая ими каждое телесное крылышко, то мой Григорий с такой силой упёрся головой в дно шайки, что чуть не скинул её с коленей на пол. Поэтому мне снова пришлось отправить его под лавку, чуть не переломив неразумного пополам.

«Какое уж тут к чертям собачьим мытьё. Мне, новобранцу, до греха рукой подать, а старожилы как побитые градом ходят. Выходит, один в поле не воин, а шуму наделать могу надолго. И потому придётся мне сидеть гагарой на яйцах пока не закроется заведение. Причём, с шайкой на коленях и с Григорием под лавкой» – горько думалось мне посреди голого пассивного народа.

В это время из парилки к душевым кабинкам, вся розовая и блестящая, прошла Анна Ивановна. И две полуокружности её кратера, скользя друг о друга и плавно перекатываясь в такт шагам, прямо-таки потянули меня за собой в пропасть грехопадения помыслов. Я утратил бдительность и рассупонился. Воспользовавшись моей минутной слабостью, Григорий выпростался из-под лавки и, со всего размаху ударившись своею глупою башкой о дно шайки, потерял остатки слабого сознания.

Это и помогло мне.

Пока Гришка не успевал опаматоваться, я вскочил со своего насеста и опрометью кинулся в душ, чтобы малость обмыться, да и удрать отсюда без позора души и со спокойствием во членах.

Кабинки были без дверей и почти все свободные, но едва я залез под холодные струи, как услышал:

– Молодой человек! Будьте любезны, потрите спину.

Я обернулся. Передо мной, вся в мыле и пене, стояла Анна Ивановна с мочалкой в руке. Сердце у меня провалилось в живот, язык прилип к зубам, а поэтому я лишь молча кивнул и взял протянутую мне банную ветошь.

Анна Ивановна вошла в мою кабинку и, опершись о трубу с холодной водой, наклонилась. Я же, стоя с боку и уперев глаза в потолок, стал елозить мочалкой где-то выше её лопаток.

– Что же вы мне всё шею-то мылите? – пробился до разума недовольный голос женщины.

Я опустил глаза на широкую спину Анны Ивановны и, крепко взяв себя в руки раздумьями о будущих урожаях на колхозных нивах, стал исполнять свои обязанности, согласно банных требований. Но так как исполнять эти самые требования сбоку было не с руки, то я зашёл с тыла далеко отставленной задней части культработницы. Увлёкшись посильной работой и с думой об уборке урожая, я и не заметил, как Григорий, почуяв близкую подружку, воспрял безумным разумом и стал своей упрямой головой исследовать среди мыла и пены пути проникновения в привычную обстановку горячего уюта и скользкой дружбы.

И я не стал ему перечить.

А он, собака, не сбился с пути, даже не заскочил второпях на второй этаж, а сразу с размаха и целиком радостно впёрся во внутренне содержание Анны Ивановны и стал там, во тьме и сырости, суетиться, отыскивая сокровенные, только ему известные тайники щемящего желания.

Посочувствовав Григорию в его безудержном желании отдаться милостям соблазнительницы, я стал механически помогать ему, и очень скоро мы вошли в единый трудовой ритм. Да и сама Анна Ивановна поспешила облегчить нашу упоительную работу. Прогнувшись и двигаясь нам навстречу, а то и от нас в положенный момент двухтактного цикла, она продемонстрировала хорошо слаженную работу возвратно-поступательного механизма голого тела.

И вот, когда Гриня уже почти был готов брызнуть слезой умиления от встречи с новой знакомой, а Анну Ивановну начала пронимать лёгкая дрожь, кто-то костлявой лапой ударил меня по спине, и старческий голос засверлил в ухо:

– Прекратите безобразный разврат! Мы, общественность, не потерпим совращения нас и наших внуков!

Я резко повернулся на этот скрип изношенных тормозов и увидел перед собой одного из тех древних старцев, чья безобразная демонстрация распущенного бессилия возмутила меня ещё в предбаннике. Анна Ивановна, потревоженная этим злобным окриком, непроизвольно дёрнулась вперёд, а бедный Григорий, выпав, как желторотый птенец из гнезда, вновь травмировался, ударившись гордой головой о мокрый кафель душевой кабины...

Что было дальше, я вспоминать отказываюсь, но с той поры ни в какие бани не хожу, а зимой и летом пользуюсь речкой. Змей Петька через месяц после меня тоже посетил райцентр, но другой альтернативы не нашёл и был бит прямо в раздевалке старческой общественностью. Так что плохо ещё приживаются в глубинке древние обычаи западных племён и народов.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕУДАЧИ

Океан стонал и метался, придавленный низким небом. Угрюмые волны в безысходной тоске выбрасывались на прибрежные скалы, сгоняя гагар и чаек с насиженных мест, а наша десятипушечная шхуна «Летучий лапландец», закончив кренгование и радуя душу моряка чисто выскобленным днищем и свежепросмоленными бортами от ахтерштевня до форштевня, готовилась к отходу из Тарбека, что на юго-западном побережье Эспаньолы.

Но что может быть лучше плохой погоды для флибустьера? Только гнилая верёвка.

Солонина и ром, абордажные крючья и команда были загружены в трюмы ещё с вечера. Так как наши кошельки были полностью опустошены портовыми притонами на курсе от Тортуги до Маракайбо и требовали пропитания, как ненасытное брюхо кашалота, то с берегом нас уже ничего не связывало кроме горестных воспоминаний, и мы были полностью готовы заступить на привычную трудовую вахту.

Команда прямо-таки рвалась к торговым путям Карибского моря, чтобы вновь наводить ужас на купеческие посудины – от испанских сухогрузов из Кадикса до колониальных кораблей Вест-Индии и китобойцев Нантакета.

– Бром-брам-гол-штанга, – прогремел с мостика голос Однорукого Билли, нашего стойкого капитана, которого не раз протягивали под килем ещё на службе Её Величеству.

Взмывли якоря, кливер и клитор наполнились свежим бризом, и мы отвалились от пирса. «Весёлый Роджер» гордо реял на гроте, сверкая голым черепом, рангоуты и такелаж желали не внушать опасений, а свежезалатанный грот-марсель, даже отчасти зарифлённый, сразу добавил шхуне скорости в несколько узлов.

Раскинув для устойчивости ноги циркулем, я уверенно стоял у штурвала, крепко держась за румпель, и умело управлял ходом «Летучего лапландца» в крутом бейдевинде при западном ветре. Как квартирмейстер и помощник капитана, я был незаменим у руля и при дележе добычи. Знание основ азбуки и счёта позволяли мне не только справедливо поделить приз между членами экипажа, но и не обидеть себя, поэтому прозвище Косоглазый Дьявол я носил с достоинством и честью. Да и мои шесть с половиной футов, облачённые в дорогую тёмно-синий колет из фламандского бархата, внушали корсарам неподдельное уважение и лёгкий трепет...

Близился к концу двадцатый день нашего похода, но горизонт по-прежнему оставался пуст, как ладонь прокажённого. Запасы солонины подходили к концу, анкерки с пресной водой тревожили вышибленными днищами, и лишь только ром ещё поддерживал наши угасающие силы и изредка позволял трезво оценить ситуацию.

Поэтому мы легли в дрейф в десяти милях северо-восточнее острова Ла-Ваш, надеясь в стороне от основных караванных путей неторопливо выверить дальнейший курс шхуны, а заодно позволить команде справиться с плясками святого Витта, трепавшими её уже вторую неделю.

На исходе тридцатых суток запасы рома иссякли, джентльмены перешли в первобытное состояние, а бездействие командного состава начало обеспечивать скорый бунт. И даже всему покорный гальюнщик, рыжий ирландец Пит О'Харя, стал время от времени хвататься за мушкет с целью обустройства в моём черепе кингстона для беспрепятственного пропуска туда забортной воды.

Однако, мы с Одноруким героически сносили подобные оскорбления, отечески призывая подчинённых к долготерпению, лишь изредка вздёргивая на нок-рее наиболее строптивых. Но, в целом же, команда на шхуне подобралась не плохая. Всего лишь трое не имели опыта каторжных работ, да кок, Брюхатый Дик, был излишне начитан и знал грамоту в объёме двух псалмов. Зато остальные самоучки достигли мыслимых высот специфического образования морских бродяг. Но всё же пришлось бы нам с капитаном вскоре прогуляться за борт по не

прибитой доске, не ударь в рынду салинга вперёдсмотрящий Глуховатый Остив на рассвете тридцать второго дня плавания, оповещая этим наш сброд о появлении на горизонте незнакомого корабля.

Вскоре на траверсе в нескольких кабельтовых от нас из серого туманного марева одиноко выползла под испанским флагом бригантина «Счастлиное избавление». И мы без колебания приняли единственно верное решение, предписываемое законом морского братства, и приготовились к атаке. Тем более, что испанец был плохо вооружён и не имел сопровождения. Видимо, туман поспособствовал рассеиванию каравана по глади океана, тем самым позволив купеческим судам надеяться лишь на слепое Провидение.

Подняв паруса и приблизившись к неприятелю на расстояние пушечного выстрела, мы произвели залп брадскугелями из бортовых кулеврин, а когда бригантина загорелась, взяли её на абордаж. Часть команды с помощью крючьев и багров намертво пришвартовали испанца к шхуне, а остальные, вскарабкавшись на фок-реи, низвергнулись прямо на головы врагов.

Бой был скоротечен и жесток. Противник, в силу своей плохой боеготовности, не смог оказать достойного сопротивления. Правда, ослабевшая из-за нехватки рома команда шхуны понесла значительные потери живой силы, но увеличившаяся по этой причине доля приза в одни руки, скрасила нашу скорбь по убиенным.

Таким образом, под моим разумным руководством с мостика шхуны, бригантина скоро полностью оказалась в руках джентльменов удачи, а незадачливые защитники её согнаны на шканцы и незамедлительно отправлены со шкафута за фальшборт для знакомства с обитателями пучины.

Без суеты закончив это привычное дело, команда во главе со мной бросилась исследовать трюмы захваченного корабля. К нашему огорчению, бригантина оказалась доверху набитой скобяными изделиями и пенькой. И, поскольку этот груз не привлекал моего внимания, то я первым поспешил в каюту капитана, надеясь найти там судовой журнал или, на худой конец, рундук с более ценными документами.

Взломав дверь капитанского апартамента, я обнаружил там сундук, набитый дублонами, пиастрами и прочими луидорами старинной чеканки. И, спеша опечалить команду висельников скорбным известием о скудости золотого запаса испанской посуды, устремился было на палубу, едва успев набить карманы образцами золотых монет. Но вдруг в шкафу с каким-то бараклом раздался подозрительный скрежет.

Мгновенно обнажив шпагу, я открыл дверцу этого гардероба и в неверном свете медной лампы увидел прячущуюся там девушку, а может, и женщину в годах, но по нашим меркам необыкновенной красоты, то ли китайской, а, возможно, и португальской крови, но явно не эфиопку.

В силу своей суровой профессии, я не часто общался с хилыми и обиженными природой существами противоположного пола. Правда, года полтора назад в таверне «Поющий на верёвке», где-то в бухтах Ямайки, я имел дело с недорогой, но хорошего воспитания женщиной. И даже неплохо зарекомендовал себя. С год мурашки по телу и зуд до крови донимали меня воспоминаниями, пока наш кок не помог уксусом и молитвой. Но в этой ситуации я непростительно растерялся и вместо положенного женщине знакомства со шпагой, спровадил этот сомнительный трофей в свою каюту под замок, заглушив ропот команды некоторой частью испанского золота.

Бригантина пылала всю, когда мы от неё отвалили.

Флибустьеры мирно занялись дележом скудной добычи, вяло постреливая и изредка хватаясь за ножи. Я же приступил к осмотру напитков и провианта, доставленных с испанской посуды. Однорукий терзался выбором нового курса шхуны, а океан дремал.

И вот тогда, в минуты умиротворения природы и отдохновения экипажа, француз-канонир, Лысый Батист, вдруг некстати вспомнил шестую статью устава нашего братства.

– Всё поровну, – заорал он, явно намекая на мою пленницу.

Я, естественно, был против, так как добыл женщину в одиночку и с оружием в руках. Но капитан, старый пёс, давно завязавший рифы своих обвисших парусов и не желавший дальнейших осложнений с оголтелой бандой пиратов, рассудил нас по-своему. На сутки сеньора отдавалась на милость победителя, а в дальнейшем переходила в собственность команды.

Возражать на виду всего сброда было бесполезно и я, чтобы не терять времени зря, отправился в свою каюту. К тому же и склянки оповещали о приближении вечера.

Спустившись в своё логово, отделанное сандаловым деревом, я застал пленницу вольно возлежащей на моём рундуке, служившем постелью. На ней была лишь лёгкая накидка из кашемира и сандалии на босу ногу. Золотистые волосы, разметавшиеся по жёсткому ложу, такого же оттенка глаза, как фунты стерлингов притягивали возгоревшийся взор, словно шлюпку к берегу во время прилива. Но я одёрнул себя и, не обращая внимания на собственный кнехт, нагло рвущийся из панталон на волю, решил сначала самоутвердиться отбитой у неприятеля малагой.

Лишь осушив добрые три четверти бутылки и почувствовав прилив сил к голове, я смело направился к своей походной постели. Закалённый боями и, знающий толк в обладании собственностью, старый морской волк вознамерился расправиться со своей добычей!

На ходу сорвав с себя лишние одежды, оставляя для приличия лишь колет и на всякий случай оружие, я рванулся на приступ, может быть, испанки. Однако, непонятливая женщина красноречивым жестом охладила мой порыв, чем вызвала в моей крови ураган возмущения, а из уст поток отшлифованных кабаками выражений. И в порыве справедливого гнева я выхватил из-за пояса пистоль. Ещё миг, и душа этого неразумного трофея покинула бы кров гостеприимного «Летучего лапландца», но как раз этой малости и хватило для того, чтобы с сеньоры слетели не только гордыня и накидка, но и сандалии.

Под женским кашемировым одеянием не было ничего, если не считать голого тела, которое мягкой волной струилось по рундуку, вздымаясь двумя белопенными гребнями на груди и плавно стекая к розовым ступням.

Мой взор покорно заскользил за этой волной, пока не прибил к тому месту, где треугольный стаксель женщины, оплетённый рыжеватыми кольцами телесных водорослей, гордо вздымался опрокинутой вершиной в широко раздвинувшемся створе янтарных берегов тугих бёдер. И здесь мой взгляд уже не поспевал за приливом и путался в этих ржавых зарослях, и терял ход, как парусник в южных морях без кренгования. А затем и вовсе лёг в дрейф посреди двух розовых коралловых рифов, упруго окаймлявших укромную лагуну, в которую хотелось броситься вниз головой без пробкового пояса и надежды выплыть. А тут ещё и два белых перста златокудрой богини пошире раздвинули податливые алые створки атолла, как бы указывая курс моему обезумевшему кораблю, уже пойманному в свои паруса знойный ветер вожделевения.

Обратного пути с поворотом оверштаг не было. И я задраил этот росный и пропахший кампешевым деревом иллюминатор, плотно загнав туда с первого же наведения, свой, захитивший было в морских походах, но ещё вполне приличного калибра ствол.

И сражение началось! Словно битва великого Моргана за овладение Порто-Белло.

Мой восставший галион, подняв все паруса, неудержимо рвался вперёд во влажной ночи тропических широт испанской плоти, страстно желая произвести прицельный залп из всех сорока восьми пушек по ускользящей из-под его бушприта заветной илистой банке в недрах извивающегося тела женщины. Но чем ближе подкрадывалось предчувствие победы, тем яснее проступала для меня необходимость отдаления её сладостного мига. Ведь скоро вступит в силу проклятая шестая статья, и мой приз навсегда поглотит пучина мужской голодной неприхотливости.

И я перебрался на барк. Подняв только бушпритные паруса и постоянно меняя галс на малом ходу, я при томительном штиле начал прогулку по слабой волне в пьянящей близости от безоружного неприятеля.

Скоро настала пора сменить манёвр. Я взмок под колетом, да и шпага несколько стесняла в движениях. Пренебрегая условностями нашего сурового быта, я скинул остатки одежды и оружие и уже более проворно стал авралить испанскую палубу, чувствуя собственным телом её шпангоуты.

Трудился я с прилежанием юнги добросовестно и до той поры, пока вновь не возвысился до капитана галиона под всеми парусами при попутном ветре. И теперь уже никакие течения и мели не могли сбить меня с намеченного курса. Мой стойкий флагман уже не только бушпритом, но килем и форштевнем зарывался в заветную отмель, днищем и бортами осязая смыкающиеся своды трепетного мира женского лона. И я дал залп из всех орудий, не пожалев накопленный вынужденным простоем боезапас, а потом ещё несколько раз накатил орудия, как бы в поисках недобитого противника, а не найдя его, вывел свой корабль из тесной гавани, оставляя за ним белесую, кильваторную струю, рвущуюся из кингстона побеждённой...

Грозные удары сапог в дверь каюты оторвали меня от привычной уже работы. Я как раз в очередной момент примеривался твёрдой рукой раздвинуть кожаные фартуки на запальном отверстии испанской мортиры, чтобы прочистить её своим упорным банником. Но труд мой был напрасен. Команда уже врвалась в покои и требовала выдачи остатков трофея. Оказалось, что шхуна бросила якорь у какого-то острова, и подошло время шестой статьи.

Я горевал у бутылок с малагой двое суток и по тому, как без перерыва веселилось на палубе отребье висельников, ясно представлял тяжкую долю моего длинноволосого приза, переходящего из рук в руки по жребью.

На третьи сутки, уняв печаль потери и просветлев разумом, я выполз на корму, чтобы внести свою обычную и посильную лепту в пополнение запасов вод мирового океана. Но не успели первые капли оросить волну, как меня с головы до пят пронзила острая боль, словно в ствол моего мушкета, так славно отстреливающегося пару суток назад, кто-то вгонял раскалённый шомпол.

Тут же прервав необходимое организму занятие, я внимательно осмотрел свой обессиленный линёк, но явных следов порчи и износа не обнаружил. Вторая попытка завершила-таки прерванный обряд очищения, но прошла, как говорится, в родовых муках и с натуральной слезою в глазах.

Надо ли говорить знающему человеку, что страдания мои не прекратились и на следующий день?

Я впал в тяжёлое и мрачное настроение, словно поп перед совершением казни через повешение, и стал подумывать о собственном пеньковом галстуке, но к счастью для моей шеи заметил, что многие мои собраты мучаются тем же.

Эти горестные наблюдения натолкнули меня на мысль о возможной эпидемии на шхуне, и я припомнил, как некогда страдали всем экипажем от Жёлтого Джека. Однако, новая хворь была незнакомой, а потому более пугающей. А когда вся команда, за исключением Однорукого и кока, стала рыдать и метаться по палубе в предрассветное время, я пошёл к капитану за советом в надежде услышать слово мудрого утешения. Однорукий же в ответ, подло трясясь за свою шкуру, собрал на шкафуте всех страдальцев «Летучего лапландца» и скомандовал: «Концы в воду!», тупоголово полагая, что морская соль поможет нашему горю.

Просидев за бортом около суток, мы не почувствовали облегчения. И тогда старый осёл Билли без обсуждения вынес приговор: «Рубить концы!».

Не знаю, чем бы всё это закончилось, не снизойди до наших страданий Брюхатый Дик. Этот чёртов праведник посвятил нас в историю недуга и указал на его источник.

Оказалось, что в своё время кок сам страдал этой немочью и едва избавился от неё у монахов-бенедиктинцев где-то на берегах французской Европы, заодно переняв от них кое-какие лекарские навыки взамен обета непрелюбодеяния. Дик даже согласился поспособствовать нам в излечении, посчитав, что своими муками мы искупили грех блуда. А за это старый канонический сектант и женоненавистник потребовал от нас клятвы безбрачия и полного отказа от женских и питейных утех. И сверх того – увеличения его доли в общих прибылях. А под самый конец своей проповеди он ещё и больно ударил по нашему мужскому самолюбию, повелев высадить на остров сладкотельный источник наших мук, хотя верёвка с петлёй уже болталась на рее.

Мы с овечьей покорностью приняли все условия, согласившись на это под злобным ударом судьбы. Но, дьявол побери! Чем же утешить бушующую плоть после удачного разбоя? Ведь рукоблудием сыт не будешь, как не прокормишься и шпагой в трясущейся руке!

ГРИБНОЙ СЕЗОН В МАЛИННИКЕ

Как-то на днях призадумался я среди производственного досуга: почему это в самый сенокос гриб в лесу полез, словно перед заморозками? До сей поры таился, а тут шагу ступить не даёт, словно навоз в коровнике. И хоть я до гриба большой знаток, но объяснение этому факту в своей голове не нашёл, как ни копался. Хотя ещё тогда подумал, что не к добру это, но к внутреннему голосу не прислушался. Боровиком, видишь ли, соблазнился, как главный специалист во всей деревне по этому продукту лесной жизнедеятельности.

Вот, к примеру, что в грибе самое главное? Простой любитель сразу скажет, что вкусовая категория, а на другой день сам же и отравится этим подарком леса. Потому как хоть и по науке собирает, но простого понятия не имеет, что главное в грибах – это разумное наличие червяка! И чем этого паразита больше, тем категория выше. Иной гриболуб его из продукта выколу-пывает, словно на рыбалку собирается, а в толк не берёт, что это смиренное животное, когда в кастрюле с кипятком за жизнь борется, непременно само на поверхность выныривает. Тут-то его, любезного, хватай голой рукой и за порог. Да ведь если этого слизняка внимательно поню-хать, то и с дефектом обоняния можно определить, что перед тобой не опарыш непотребный. И даже если этот червяк заблудится в тарелке, то проскакивает в организм так стремительно, что никакого урона человеку не приносит.

А вот ежели эта беззащитная тварь в грибе отсутствует, то сразу бей тревогу и проходи мимо, избегая соблазна отравления. Я всегда так поступаю, поэтому обхожусь без больничного присмотра почти весь урожайный сезон. Ведь это ушрое насекомое, из-за отсутствия высшей материи сознания, что ни попадя жрать не будет!

Словом, раз гриб полез, то мне на сельских работах особо прохладяться не приходится. Да и не рожь молочу. А когда дожди зарядят, на травостое даже работать сподручнее – укос хороший. Так что, как говорится, перо в зад и через Нюшкин брод, только меня и видели. Я уже с утра по чашобам круги нарезаю.

Однако, сбился я тогда с правильного пути, как и внутренний голос предсказать не мог.

Поднасобирался я в тот горький день изрядно и стал лагерем под сосной, чтоб в свет-лое время не мотаться по деревне и не напрашиваться на лишнюю работу. Только закусил, как на моё становище выперлась баба не нашего уклада. Видать, гостила в наших краях. По годам в меня, не перестарок, а в самом призывном возрасте, до сорока не дотягивает. Да и постороннему глазу есть на что опереться. Что спереди, что сзади не соскальзывает. У меня прямо руки зачесались дойти с ней до полного телесного контакта. Тем более, что языком молоть я мастер. Газету читаю, как псалтырь по покойнику. И если тебе время не жалко, обще-лушу любой вопрос до голого ядра. Вот, думаю, возьмусь да и уговорю женщину к склонению, и начал с положения дел на местах. Но не успел дойти до международной обстановки, как она, не клюнув на мой кругозор, перевела разговор на грибные места. Мне-то всё едино, что сбор грибов, что выборы президента – одна надежда на удачу, поэтому сразу переключился на сказки о засилии даров природы на дальних валежниках. Лишь бы, мыслю, молодницу подальше от жилья заманить для своих законных интересов в качестве проводника и охранника. Собе-седницу мою лесная жизнь заинтересовала, но, однако, не настолько, чтобы сразу под кусты. Наоборот, она вдруг завела теоретическую беседу про малину.

Тут-то и я сообразил, что ягоду будет собирать повеселее, по причине кучного произрас-тания, а, значит, и нам гоняться друг за другом по зарослям не придётся. Чтобы даром вре-мени не терять, решил сразу же увлечь ягодницу в какой-нибудь малинник, но подальше от лесных троп. Чувствую, женщина попалась грамотная, поэтому со мной не пропадёт. Однако и тут новая знакомая не загорелась мгновенным желанием сразу же топтать малиновые уго-дья, а пригласила меня в следопыты на следующий день с утра пораньше. Да и правда, споза-

ранку-то разгона больше, и до вечера можно столько наворотить, что за год не расхлебашься. Я и согласился с пониманием момента нашего обоюдного согласия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.